

В.А. Мякотин

**Протопоп Аввакум, его жизнь
и деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
В11

В.А. Мякотин
В11 Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность / В.А. Мякотин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 160 с.

ISBN 978-5-458-14341-7

Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павлекова.
Протопоп Аввакум, его жизнь и деятельность. Биографический очерк В. А. Мякотина. Без портрета Аввакума, которого нигде нельзя достать.

ISBN 978-5-458-14341-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ АВТОРА.

Написать полную біографію Аввакума, этого первоапостола и главнаго борца раскола, значило-бы вмѣстѣ написать и исторію самаго раскола за первыя двадцать лѣтъ его существованія. Но эта задача во всемъ ея объемѣ конечно не могла входить въ скромныя рамки настоящаго очерка. Предстояло такимъ образомъ изъ всего разнообразнаго матеріала, даваемого этой богатой событіями жизнью, избрать наиболѣе важную и характерную сторону и неизбѣжно оставить до нѣкоторой степени въ тѣни остальные. Такой наиболѣе существенной стороной въ жизни Аввакума является несомнѣнно идейное ея содержаніе, представляющее собою яркую страницу изъ исторіи того умственнаго движенія, какое происходило въ Московской Руси 17-го столѣтія. При этомъ однако я считалъ невозможнымъ обойтись безъ указанія на происхожденіе самаго движенія, и этой цѣли служить первая глава, являющаяся ничѣмъ инымъ, какъ сводомъ высказанныхъ въ литературѣ положеній, но и въ такомъ своемъ видѣ быть можетъ небезполезная. Въ тѣсной связи съ указаннымъ взглядомъ поставлено и все изложеніе біографіи, въ которомъ главное вниманіе обращено на изображеніе идейной стороны движенія,

тогда какъ подробности бытовой обстановки отступаютъ на второй планъ. Довольствуясь тѣми изъ нихъ, какія заключаются въ сочиненіяхъ самого Аввакума, и не привлекая къ дѣлу въ этомъ случаѣ другихъ источниковъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ и изображеніе внутреннихъ отношеній раскольниковъ общины вводилъ въ свой рассказъ лишь постольку, поскольку оно могло служить для главной цѣли послѣдняго—уясненія характера и развитія идей раскола.

В. Мякотинъ.

I.

Умственное состояніе русскаго народа въ эпоху появленія раскола.

Предлагая читателю біографическій очеркъ одного изъ крупнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи умственнаго развитія великорусскаго народа за 17-ое столѣтіе, я считаю весьма нелишнимъ остановиться предварительно на той атмосферѣ, въ которой ему пришлось жить и дѣйствовать, и изложить, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ, происхожденіе тѣхъ воззрѣній, защитникомъ и распространителемъ которыхъ онъ явился.

Къ концу 15-го и началу 16-го вѣка исчезла независимость отдѣльных сѣверно-русскихъ земель и княжествъ, на мѣсто ряда самостоятельныхъ политическихъ единицъ сложилось и выросло единое Московское государство. Такое радикальное измѣненіе въ положеніи Москвы, обращеніе ея изъ удѣльнаго княжества въ русское національное государство, должно было задать немалую работу народной мысли, побуждая ее вдуматься въ новые факты, сдѣлать изъ нихъ теоретическіе выводы и обобщенія. Послѣднія и не замедлили появиться, принявъ то направленіе, какое указывалось самими условіями, сопровождавшими возвышеніе Москвы и содѣйствовавшими ему.

То національное знамя, которое поднято было Москвою и освящало собирательную политику московскихъ князей, превращая ее изъ династической въ народную, очутилось въ рукахъ этихъ князей, благодаря борьбѣ ихъ съ татарами. Татар-

ское-же нашествіе, сыгравшее такую роль въ выработкѣ народнаго самосознанія, обрушилось на Русь въ тотъ моментъ, когда умственная дѣятельность народа только что начала принимать болѣе широкіе размѣры на поприщѣ образованія и литературы, и опять сѣззило кругъ этой дѣятельности, ограничивъ ее однимъ церковнымъ просвѣщеніемъ. Последнее сводилось къ грамотности и чтенію священныхъ книгъ или же книгъ общаго духовнаго характера, проповѣдей и т. п. Такъ было первоначально и вездѣ въ другихъ странахъ, но западно-европейскіе народы успѣли въ дальнѣйшемъ развитіи выработать себѣ свѣтскую литературу, а затѣмъ и свѣтскую науку. У насъ до татарскаго нашествія были начатки первой, послѣ него еще сократившіеся, второй же не было совсѣмъ и послѣ вплоть до 16-го столѣтія, и еще и позже. Стремленіе народа освободиться отъ чужеземнаго и вмѣстѣ иновѣрскаго ига повышало религіозное сознаніе, придавало ему характеръ исключительности въ то самое время, когда, благодаря невольному отчужденію отъ всѣхъ другихъ народовъ и направленію всѣхъ усилій народа на политическую организацію съ цѣлью возвратить себѣ самостоятельность, слабѣло и падало просвѣщеніе. Не говоря уже о томъ, что сношенія Руси съ народами и государствами Западной Европы, и прежде бывшія не особенно оживленными, совершенно прекратились съ моментомъ подчиненія татарамъ, затруднено было и сообщеніе съ тѣмъ главнымъ центромъ, откуда по преимуществу приходило на Русь просвѣщеніе въ видѣ религіознаго ученія и церковной проповѣди, — Константинополемъ. Обществу-же, напрягавшему всѣ свои силы для политической борьбы, некогда было заниматься наукой, и въ результатъ этого самое духовное образованіе пошло на убыль. Государство, приспособлявшее всѣ свои дѣйствія къ задачамъ внѣшней политики, не находило времени для дѣятельныхъ заботъ объ немъ, частныя лица при отсутствіи широкаго умственнаго движенія, при существованіи тѣснаго общественнаго и политическаго кругозора не имѣли достаточно сильныхъ для этого стимуловъ, и съ 15-го вѣка мы начинаемъ встрѣчать постоянныя жалобы на паденіе и того

скуднаго образованія, какое имѣлось на Руси. Церковные іерархи все чаще заявляютъ, что имъ приходится ставить въ священники людей, которые «едва грамотѣ умѣютъ», плохо читаютъ священныя книги, а писать уже и совсѣмъ не могутъ. Тамъ, гдѣ среди класса, наиболѣе образованнаго уже по одному своему положенію, слабо развита простая грамотность, не могло конечно быть и рѣчи о существованіи сколько-нибудь серьезнаго образованія. А рядомъ съ этимъ національно-религіозная исключительность принимаетъ все болѣе широкіе размѣры, все болѣе рѣзкія очертанія. Внушенія нетерпимости, издавна уже шедшія изъ Византіи, но не распространявшія въ до-татарскій періодъ своего вліянія за предѣлы духовенства, теперь пріобрѣтаютъ широкую популярность въ массахъ. Находясь до конца 15-го вѣка подъ владычествомъ татаръ, относясь къ нимъ съ понятнымъ враждебнымъ чувствомъ, русскій народъ привыкъ противопоставлять имъ себя не только въ племенномъ, но и въ религіозномъ отношеніи, привыкъ отличать себя, какъ православныхъ христіанъ, отъ «поганныхъ», «басурмановъ», привыкъ наконецъ понимать себя, какъ именно защитника христіанства отъ этихъ басурмановъ, видѣть въ борьбѣ съ ними въ нѣкоторомъ родѣ свое призваніе.

Въ концѣ 15-го вѣка самый тяжелый актъ борьбы съ татарами былъ законченъ, вновь создавшееся государство Московское сломало ихъ владычество надъ Русью, но то чувство, съ какимъ велась эта борьба раньше, осталось и продолжало вліять на выработку народнаго міровоззрѣнія. Мало того, оно распространилось теперь еще и въ другую сторону. Нарушенная въ 13-мъ вѣкѣ связь съ Западомъ не могла быть восстановлена тотчасъ по уничтоженіи татарскаго ига: между Западомъ и Московской Русью стояло литовско-польское государство, враждебное ей, покушавшееся также на ея самостоятельность. На борьбу съ этимъ государствомъ, хотя и христіанскимъ, но также иновѣрческимъ, московскіе люди, привыкшіе къ національной и религіозной нетерпимости, перенесли тѣ взгляды на себя и своихъ противниковъ, какіе они выработали въ борьбѣ съ язычниками, позднѣе мусульманами. Польскіе и

литовскіе католики также получаютъ названіе «поганыхъ» въ устахъ москвичей, «латинство» подѣ вліяніемъ естественнаго раздраженія въ борьбѣ и византійскихъ увѣщаній представляется не менѣе грознымъ врагомъ православія, чѣмъ и магометанство. Самое общеніе съ католиками начинается считаться грѣхомъ, и въ кормчихъ появляются подѣ видомъ будто бы «заповѣди св. апостолъ и св. отцовъ» правила, подобныя слѣдующему: «аще въ суднѣ будетъ латина ѣла, то, измывши, молитва сотворити, и у латинской церкви не стоять». Поставленное ходомъ историческихъ событій среди враждебныхъ иноплемennыхъ и иновѣрныхъ сосѣдей, Московское государство, въ которомъ, въ силу тѣхъ же событій, все умственное движеніе приняло религіозно-церковный характеръ, воспитало въ себѣ взглядъ, отождествлявшій его національность съ религіей, ставившій послѣднюю какъ бы конечною его цѣлью. Христіанство отдѣляло Москву отъ татаръ, православное исповѣданіе отличало ее отъ западныхъ христіанъ, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ народъ представлялся самому себѣ обладающимъ высшею религіозною истиною и растилъ въ своей средѣ національно-религіозную нетерпимость.

Политическіе успѣхи Московскаго княжества въ борьбѣ съ сосѣдями, преимущественно татарами и Литвой, прибавляютъ къ этой нетерпимости новый оттѣнокъ—гордость. Подѣ вліяніемъ этихъ успѣховъ московскіе люди начали считать себя выше всѣхъ другихъ людей, свое государство лучше всѣхъ остальныхъ. Согласно ихъ взгляду, всѣ иныя, неправовѣрныя страны лишены были благодати, почившей на Москвѣ, и потому не могли равняться съ нею. Иностранцевъ, знакомившихся съ русскимъ бытомъ въ 16-мъ вѣкѣ, особенно поражала эта черта заносчиваго московскаго высокомерія. Одинъ изъ нихъ, Ульфелдъ, такъ отзывался о видѣнныхъ имъ русскихъ: «какъ они горды, можно видѣть изъ того, что все, что ни сказали бы сами, они считаютъ вѣрнымъ и непреложнымъ; мало того, они не терпятъ противорѣчій въ разсужденіяхъ, безъ всякаго порядка, необдуманно выливаютъ все, бросаются туда и сюда, какъ попадетъ на мысль, и не удостоиваютъ выслушать дру-

гихъ, перебиваютъ слова». Московскій патриотизмъ, возбужденный удачами оружія Москвы, доходилъ до самаго пренебрежительнаго отношенія ко всѣмъ другимъ народностямъ, до представленія о чужихъ земляхъ, какъ о лишенныхъ свѣта истиннаго ученія и въ силу того самаго исполненныхъ только грѣха и соблазна. При томъ религіозномъ направленіи, какое приняла уже народная жизнь, и патриотизмъ этотъ разыгрывался на той же религіозной почвѣ, обращаясь въ своего рода кичливость своимъ православіемъ, предполагавшую презрѣніе ко всѣмъ ему непричастнымъ, полное отчужденіе отъ нихъ.

«Россіяне, особливо знатнаго рода, ишеть другой иностранецъ, Бэръ, бывшій въ Москвѣ въ самомъ началѣ 17-го столѣтія, — согласится скорѣе умереть, нежели отправить своихъ дѣтей въ чужія земли; развѣ царь ихъ принудитъ. Они думаютъ, что одна Россія есть государство христіанское, что въ другихъ странахъ обитаютъ люди поганые, некрещенные, невѣрующіе въ истиннаго Бога, что ихъ дѣти навсегда погубятъ свою душу, если умрутъ на чужбинѣ между невѣрными, и только тотъ идетъ прямо въ рай, кто скончаетъ жизнь свою на родинѣ».

Такой взглядъ на чужія земли, какъ на вмѣстилища неправовѣрія, ереси и соблазна, достигъ своего апогея, когда въ районъ его были включены не только страны мусульманскія и католическія, но и православныя, и прежде всего та самая страна, которая была учительницею и наставницею Руси въ дѣлѣ вѣры и изъ которой единственно шло втеченіе вѣковъ церковное просвѣщеніе на нее. — Византія.

Въ то самое время, когда Москва получила перевѣсъ надъ своими врагами и начала возвышаться быстрѣе, связывая съ этимъ возвышеніемъ мысль о защитѣ православія, Византія все болѣе и болѣе слабѣла подъ натискомъ иного мусульманскаго могущества — турокъ и дѣлала послѣднія, тщетныя попытки сохранить свою самостоятельность. Стремясь къ этой цѣли, византійское правительство искало себѣ помощи у западныхъ народовъ и, думая сдѣлать такую помощь болѣе вѣроятной и дѣйствительной, рѣшилось произвести соединеніе церквей, результатомъ чего была извѣстная Флорентинская унія. Въ подчиненной Константинополю въ церковномъ отношеніи Москвѣ взглянули на эту послѣднюю, какъ на измѣну православію,

и этой измѣнѣ готовы были приписать и самое взятіе Царьграда турками, и паденіе греческой имперіи, не особенно стѣняясь при этомъ соображеніями о строгой послѣдовательности событій. Успѣвшая воспитать въ себѣ ожесточенную вражду къ латинству, счастливая въ своихъ политическихъ предпріятіяхъ, Москва оказалась непримиримѣ своей руководительницы въ дѣлахъ религіи и выказала явное неповиновеніе греческой митрополіи. Русскій князь не принялъ уніи, привезенной въ Москву митрополитомъ Исидоромъ; послѣдній былъ свергнутъ и заточенъ за присоединеніе къ ней, а на его мѣсто былъ выбранъ русскими іерархами новый митрополитъ безъ ссылки съ Константинополемъ. За то Флорентинская унія воспитала среди москвичей убѣжденіе, что православіе въ чистомъ своемъ видѣ сохранилось только на Руси, которая и должна теперь исключительно на себя принять его защиту и охрану. Противопоставленіе Московской Руси другимъ православнымъ странамъ наполняло отрадой и гордостью души московскихъ патріотовъ. «Сія убо вся благочестивая царствія — пишетъ одинъ изъ нихъ, — греческое и сербское, басанское и арбаназское грѣхъ ради нашихъ Божиимъ попущеніемъ безбожнии турця поплѣвниша и въ запустѣніе положиша и покориша подъ свою власть. Наша же Русійская земля Божією милостію и молитвами пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ чудотворецъ растеть и младѣеть и возвышается. Ей же, Христе милостивый, даждь расти и младѣти и расширятся и до скончанія вѣка». Всѣ православныя страны потеряли свое независимое существованіе, потеряли потому, что не сумѣли сохранить самаго православія, одна Москва не только не пала, но еще все усиливается. Естественное было родиться мысли что въ этомъ виною ея большее правовѣріе сравнительно съ другими, и такая мысль дѣйствительно не замедлила появиться. Другой писатель-патріотъ, рассказывая о Флорентинскомъ соборѣ, влагаетъ уже въ уста императора Іоанна такія лестныя для Москвы слова: «яко восточнии земли суть большее православіе и высшее хрестіанство Бѣлая Русь». Постепенно развиваясь, мысль объ утратѣ греками чистоты вѣры и первенства въ православномъ мірѣ и о замѣнѣ въ этомъ от-

ношеніи Византіи Москвою нашла себѣ наконецъ полное выраженіе въ сказаніи о трехъ Римахъ.

√ Два было Рима, рассказывали московскіе книжники: первый былъ великъ и славенъ, но увлекся въ папскую ересь и палъ; его значеніе и слава вмѣстѣ съ правой вѣрой перешли на второй Римъ—Византію. И эта послѣдняя послѣ долгаго времени тоже свернула съ пути истины, измѣнила православію, приняла латинскую ересь и въ наказаніе за это предана агарянамъ; на мѣстѣ соборной церкви града Константина воцарились мерзость и запустѣніе, а православная вѣра «испроказилась Махметовой прелестію отъ безбожныхъ турокъ». Препрежне значеніе этихъ двухъ Римовъ перешло на третій—Москву, гдѣ процвѣло благочестіе и возсіяла благодать, гдѣ вѣра сохранилась невредимой. Уже не храмъ св. Софіи въ Царьградѣ, а Успенскій соборъ въ Москвѣ является центромъ православнаго міра. Политическіе успѣхи Москвы ставились такимъ образомъ книжниками въ тѣсную связь съ сохранившимся въ ней правовѣріемъ и даже исключительно объяснялись послѣднимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно сообщало Московскому государству новое значеніе главы православія,—значеніе, какого раньше оно не имѣло. Единственное уцѣлѣвшее изъ православныхъ государствъ въ силу этого взгляда ставилось выше всѣхъ остальныхъ, облакалось авторитетомъ наибольшей религіозной высоты, передъ которой должны были преклониться другіе народы. Въ московскихъ литературныхъ произведеніяхъ появляются даже предсказанія, что всѣ христіанскія царства сойдутся въ одно царство русское «православія ради», и въ видѣ какъ бы предвѣстниковъ этого возникаютъ одна за другою легенды о чудесномъ переходѣ святынь христіанскихъ изъ неправовѣрныхъ Рима и Византіи въ Московское государство, вродѣ напр. «Сказанія о бѣломъ клубкѣ» и т. п.

На этой стадіи своего развитія національное самоопредѣленіе великорусскаго народа достигло уже до степени своего рода мессіанизма. Русскій народъ представлялся самому себѣ избраннымъ сосудомъ Божиимъ, на которомъ почіетъ благодать свыше, недоступная никому другому иначе, какъ черезъ его посред-

ство. Онъ, и одинъ онъ, хранилъ въ себѣ великую истину, способную разрушать и создавать царства, губить и воздвигать народы, всѣ остальные племена земного шара уклонились въ большей или меньшей степени отъ праваго пути и, желая вновь вступить на него, должны были искать указаній, помощи и спасенія въ правовѣрной и благочестивой Москвѣ, сохранившей въ своихъ стѣнахъ незатемненнымъ свѣтъ истиннаго ученія, а наибольшая вѣроятность спасенія предоставлялась этимъ народностямъ въ томъ случаѣ, еслибы онѣ, покинувъ свои ереси и заблужденія, «православія ради» признали надъ собою власть московскаго царя. Русскіе же люди, чтобы не испестрить и своей вѣры иноземными ересями, должны были избѣгать всякаго общенія съ чужими людьми, чуждаться ихъ. Полное и абсолютное превосходство естественно предполагало замыканіе въ собственной средѣ, отстраненіе отъ всѣхъ другихъ народовъ.

Такіе взгляды, какъ уже сказано, выросли и воспитались на почвѣ политическихъ успѣховъ Москвы. Но они касались собственно иной сферы. Находили-ли они себѣ оправданіе и подтвержденіе въ ней, въ умственномъ состояніи народа, вѣрили ли были эти толки о хранящемся въ Москвѣ истинномъ христіанскомъ просвѣщеніи, чуждомъ ересей и заблужденій? Дѣло было не совсѣмъ то такъ. И въ русской церкви до XVI вѣка были ереси, но онѣ впрочемъ были скоро подавлены духовной іерархіей при дѣятельной помощи свѣтской власти. Главная опасность для русской церкви шла съ другой стороны. Начавшееся въ XV вѣкѣ паденіе просвѣщенія продолжалось и потомъ, еще поддерживаемое создавшеюся уже національной нетерпимостью и исключительностью. Собственныхъ ученыхъ силъ не было, къ чужимъ, и въ томъ числѣ даже къ греческимъ, относились враждебно и подозрительно, опасаясь исказить чистоту вѣры. А между тѣмъ отсутствіе высшаго просвѣщенія обуславливало собою и паденіе низшаго, а вотъ опасность для церкви возникаетъ не извнѣ, не благодаря слишкомъ большому развитію богословскихъ разсужденій, а вслѣдствіе полнаго почти паденія церковнаго просвѣщенія, бывшаго въ то же время и